

К. Жаков

**Теория переменного и
предела в гносеологии и в
истории познания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
К11

К11 **К. Жаков**
Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания / К. Жаков –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 170 с.

ISBN 978-5-458-54429-0

ISBN 978-5-458-54429-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Гартманъ въ „философіи безсознательнаго“ въ X главѣ говоритъ: „Кантъ въ своей трансцендентальной эстетикѣ высказалъ, что пространство не воспринимается пассивно душою извнѣ, но производится ею самостоятельно, и этимъ положеніемъ произвелъ цѣлый переворотъ въ философіи. Почему же однако это вѣрное положеніе столь антипатично какъ общему человѣческому смыслу, такъ, за немногими исключеніями, и естественно-научному образу мыслей?“

1) Потому (отвѣчаетъ Гартманъ), что Кантъ, а за нимъ Фихте и Шопенгауеръ, изъ вѣрнаго положенія вывели ложныя и противорѣчащія инстинкту здраваго смысла одностороннія идеалистическія слѣдствія.

2) Потому, что Кантъ для своего вѣрнаго положенія далъ невѣрные доказательства, которыя на самомъ дѣлѣ ничего не доказываютъ.

3) Потому что Кантъ, не давая въ томъ себѣ отчета, говоритъ о безсознательномъ процессѣ въ душѣ, между тѣмъ какъ тогдашній образъ воззрѣній зналъ и считалъ возможнымъ только сознательные душевные процессы. Сознаніе же отрицаетъ свою самостоятельность въ произведеніи пространства и времени и съ полнымъ правомъ считаетъ за *fait accompli* то, что они даны чувственнымъ воспріятіемъ.

4) Потому что Кантъ на ряду съ пространствомъ поставилъ и время, для котораго его положеніе не имѣетъ силы“ (переводъ А. А. Козлова, стр. 218). Этими замѣчательными словами начинается X глава книги Гартмана. Далѣе онъ доказываетъ, что пространство и время столько же объективныя формы бытія, сколько и субъективныя формы мышленія.

Онъ также говоритъ, что уже Шеллингъ (*Darstellung des Naturprocesses, Werke I*) и Тренделенбургъ (*über eine Lücke in Kants Beweis von der ausschliessenden Subjectivität des Raumes und der Zeit*) указали на опрометчивость заключения объ существованіи пространства и времени исключительно въ мышленіи изъ того обстоятельства, что они не вошли извнѣ въ нашъ умъ, а самостоятельно произведены имъ.

Считаемъ необходимымъ здѣсь прибавить, соглашаясь съ Гартманомъ, что въ такомъ положеніи дѣло обстоитъ и съ вещами въ себѣ. Изъ того факта, что тѣла природы суть наши ощущенія (какъ доказываетъ это намъ психофизиологія, а никакъ не гносеологія), отнюдь не вытекаетъ, чтобы не было вещей, независимыхъ отъ нашихъ ощущеній. Эти вещи могутъ существовать въ объективномъ пространствѣ и въ объективномъ времени (въ какомъ смыслѣ это увидимъ мы ниже). Признаніе ихъ существованія есть приписаніе нашего теоретическаго ума, считающаго міръ своимъ представленіемъ, съ практическимъ (и съ инстинктами всѣхъ живыхъ существъ), знающимъ только тѣла природы, какъ вещи въ себѣ. Доказательству этой истины, примиряющей инстинктъ съ интеллектомъ, естественныя науки съ философскими системами, посвящается эта книга. Не только вещи въ себѣ существуютъ (какъ это будетъ доказано), но и находятся въ двухъ отношеніяхъ къ комплексамъ нашихъ ощущеній.

1) Наши ощущенія переменная величина, стремящаяся къ предѣлу въ теченіи біологической исторіи; предѣломъ являются атрибуты вещей въ себѣ.

2) Вещи въ себѣ дѣйствующая причина на наше „я“; реакція на это дѣйствіе—воспріятіе внѣшняго міра.

Ученіе, доказывающее эти положенія, должно быть названо теоріей переменнаго и предѣла въ гносеологін и въ исторіи познанія. Оно понятно, разъ психическій міръ считается, вѣчно измѣняющимся, приближаясь къ нѣкоторому предѣлу, къ внѣпсихическому міру бытія; (причемъ, въ количественномъ отношеніи первый можетъ адекватно совпасть со вторымъ, а въ качественномъ только уподобляется). Вселенная, по этому ученію, рисуется, не какъ предустановленная, а какъ создающаяся Гармонія, и смыслъ, и цѣль жизни не столько намъ даны, сколько построятся.

нами въ приближеніи къ идеальному знанію и къ совершенству воли и характера. Второе, что нужно замѣтить здѣсь, это то, что ученіе въ теоріи переменнаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія допускаетъ два принципа—психическое и независимое отъ психическаго. Многие думаютъ, что совершенство философской системы заключается въ единомъ принципѣ, послѣдовательно проведенномъ по всѣмъ областямъ человѣческаго разумѣнія. Въ этомъ смыслѣ теорія переменнаго и предѣла не нѣз совершенныхъ точекъ зрѣнія на явленіи человѣческаго духа и природы. Но со своей стороны осмѣливаюсь я думать, что самое пагубное въ философін—это исканіе единого принципа, единственнаго начала въ природѣ или въ существѣ психическихъ явленій. Дѣло въ томъ, что понятія, одно изъ которыхъ хотятъ сдѣлать принципомъ, имѣютъ опредѣленный смыслъ лишь при наличности другихъ понятій, имъ противоположныхъ, или ихъ ограничивающихъ. Понятіе *сознанія* имѣетъ все свое значеніе, пока существуютъ два другихъ понятія: вещи сознаваемой, и лица, сознающаго. Понятіе *представленіе* имѣетъ ясность, пока существуютъ предметы, могущіе быть представимыми для представляющаго лица и т. д. Поэтому, имманентная философія нашего времени (Махъ), на основаніи данныхъ психологіи, приходящая къ заключенію, что все въ мірѣ—переживаніе, все психическое, и ничего болѣе, такая философія немыслима въ своей первой основѣ, недопустима. Въ самомъ дѣлѣ имѣются въ опытѣ три величины *A, B, C*. *A*—личность переживающая, *B*—фактъ переживанія, *C* предметъ, вызывающій психическое переживаніе. Эти три понятія въ наличности всякаго психическаго акта. Но вотъ философы начинаютъ сводить *A, B, C* къ двумъ величинамъ *A* и *B*. Личность *A* переживаетъ *B, C* не существуетъ, потому что де *A* причина *B* достаточная и необходимая. Дальше утверждается, что *A* и *B* одно и тоже. Субъектъ сумма испытываній, переживаемыхъ имъ, и ничего болѣе. Получается все *B*, все психическое.

При этихъ размысленіяхъ совершенно упускается изъ виду, что понятія измѣняютъ свой смыслъ при уничтоженіи ихъ коррелятовъ, что заключеніе страдаетъ отсутствіемъ содержанія въ понятіи, которое было обусловлено существованіемъ другихъ понятій. Также нелогично утвержденіе

что все мое сознаніе, и ничего болѣе. Такое утвержденіе безсодержательно и не соотвѣтствуетъ опыту. Въ опытѣ намъ даны: предметъ, считаеый внѣшнимъ, субъектъ, созерцающій его, органы внѣшнихъ чувствъ, при посредствѣ которыхъ возможно внѣшнее воспріятіе. Поэтому при всѣхъ выкладкахъ никогда не нужно забыть сложности процесса сознанія и обусловленности его. Слѣд. говорить, что все сознаніе, все равно утвержд. все=все, если не забывать сложности факта сознанія. Это такъ только, а въ другіхъ смыслахъ, это нелѣпость. Это мы все къ тому позволяемъ себѣ говорить, чтобы показать, что два (или болѣе) принципа, допущенные въ нашемъ изложеніи гноссологіи, не подрываютъ научности ученія, а скорѣе наоборотъ, свидѣтельствуеъ объ осторожности изслѣдованія, въ которомъ пытались мы сопоставить основоположенія математики и естествовѣдѣнія съ принципами критической философіи и идеалистическаго ея толкованія, надѣясь что такіа сопоставленія всегда имѣютъ нѣкоторый научный интересъ, какъ попытка примиренія философскаго идеализма съ тенденціями опытныхъ наукъ, синтеза разнородныхъ, повидимому понятій.

Часть I.

Естественно-историческая точка зрѣнія
на познаніе и понятіе переменнаго и
предѣла въ гносеологіи.

ГЛАВА I.

Непосредственное свидѣтельство сознанія.

Наука должна начинаться съ аксіомъ и истинъ, которыя не требуютъ доказательствъ. Непосредственныя свидѣтельства сознанія, провѣряя другъ друга, должны быть первыми данными, откуда начинается научное изслѣдованіе.

Сознаніе намъ говоритъ, что существуютъ тѣла природы, познаваемыя черезъ органы внѣшнихъ чувствъ. Когда открываю я глаза, я вижу черный шкапъ, закрываю ихъ, и шкапъ для меня болѣе не существуетъ. Мы простыми опытами убѣждаемся, что если заболѣваютъ глаза, или зрительные нервы, мы начинаемъ плохо видѣть, перестаемъ отличать предметы, тоже самое и относительно другихъ внѣшнихъ чувствъ — слуха, осязанія. Слѣд. мое сознаніе внѣшнихъ предметовъ зависитъ отъ здоровья и отъ извѣстнаго устройства моей физической организаціи.

Также для насъ очевидно, что, если разрушается одно тѣло природы, другое при этомъ можетъ остаться цѣлымъ. *А* разрушается, *В* остается цѣлымъ. Мой физическій организмъ одно изъ тѣлъ природы. Слѣд. это положеніе и къ нему примѣнимо, т. е. онъ можетъ уничтожиться, не измѣнивъ, не уничтоживъ другихъ тѣлъ природы. Но мы знаемъ, что сознаніе, (ощущенія тѣлъ природы и внутреннихъ измѣненій организма) зависитъ отъ устройства нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, отъ нервовъ и т. д. Отсюда ясно, что сознаніе наше можетъ померкнуть вмѣстѣ съ уничтоженіемъ (разрушеніемъ) нашего тѣла, оставивъ въ прежнемъ видѣ всю природу вещей.

Другими словами. Очевидно, что существуютъ вещи независимо отъ сознанія.

Далѣе сознаніе намъ говоритъ о существованіи другихъ людей. Тождество ихъ физической организаціи съ моимъ

тѣлеснымъ „я“, тожество ихъ дѣйствій при равныхъ условіяхъ, тожество реакцій на безчисленные явленія природы съ моими воздѣйствіями на тѣ же явленія — все это дѣлаетъ невозможнымъ сомнѣніе, что ихъ душа подобна моей.

Вотъ тѣ очевидности, не упираясь на которыя, невозможно построить никакую науку. Если философы разныхъ временъ подвергали сомнѣнію эти очевидности и затѣмъ строили системы, то всегда оказывалось, что втайнѣ эти истины они всегда допускали.

Многимъ, напр., кажется, что психологія, доказавши, что тѣла природы—комплексы нашихъ ощущеній, тѣмъ самымъ опровергаетъ непосредственное свидѣтельство сознанія о независимости природы отъ способности ощущеній. Если тѣло природы есть комплексъ ощущеній, то съ нечеловѣческимъ способностью восприниманія (сознания) исчезнутъ и комплексы ощущеній, т. е. тѣла природы. Но такой выводъ нелогиченъ (изъ посылокъ психологіи).

Возьмемъ факты видѣнія. Лучи, идущіе отъ предмета, пересѣкаются на сѣтчаткѣ. Глазныя оси приходятъ въ такое положеніе, что продолженіе ихъ пересѣкается на предметѣ, нервы приходятъ въ особое состояніе и центры ихъ, возникаетъ фактъ видѣнія предмета. Тоже самое относительно каждаго чувства. Сначала допускается предметъ, потомъ дѣйствіе его на наши органы, затѣмъ психическій фактъ видѣнія, слыханія и т. д. Изъ безчисленныхъ опытовъ подобнаго рода можно вывести заключеніе, что при наличности тѣлъ природы, или по крайней мѣрѣ при наличности нервовъ и ихъ дѣятельности, возникаютъ психическія явленія. Міръ — комплексъ нашихъ ощущеній, но эти ощущенія возбуждены физическими агентами, независимыми отъ сознанія, отъ способности воспріятія.

Къ такому же выводу приведетъ насъ и всякая метафизическая точка зрѣнія. Намъ необходимо всегда допустить субъектъ, на который дѣйствуютъ вещи; подъ вліяніемъ дѣйствій и воздѣйствій возникаютъ психологическія явленія. Иначе совершенно будутъ не понятны: организація челоуѣка и приспособляемость видовъ.

Теперь возникаетъ вопросъ. Если тѣла природы съ точки зрѣнія психологіи суть комплексы ощущеній, психическія явленія, чувства и представленія тоже психическія явленія,

то въ этомъ смыслѣ между ними нѣтъ разницы. Но комплексамъ ощущеній, соотвѣтствующихъ вещамъ, существующимъ пезависимо отъ сознанія, должны принадлежать какія-нибудь признаки, отличающіе ихъ отъ субъективныхъ фактовъ сознанія, которымъ вещи не соотвѣтствуютъ, а только молекулярныя измѣненія нервовъ въ воспринимающемъ субъектѣ. Нужно намъ изслѣдовать, какіе же это признаки, отличающіе внѣшнія ощущенія о природѣ отъ такъ называемыхъ внутреннихъ явленій сознанія? Другими словами, опредѣлить, на какіе два класса явленій дѣлится наше сознаніе? Это мы и сдѣлаемъ въ главѣ о физическомъ и психическомъ.

ГЛАВА II.

Физическое и психическое, въ ихъ закономѣрности и взаимодѣйствіи (проблемы гносеологін).

Двѣ области созпанія.

1. Геометрическія фігуры обладаютъ непрерывностью своего построенія, потому что онѣ пространственны, а пространство непрерывно и все заключающееся въ немъ.

2. Геометрическія фігуры неизмѣнны въ трехмѣрномъ пространствѣ: параллельное движеніе всѣхъ частей контура или вращательное около точки или прямой линіи не измѣняютъ эго фігуры. Квадратъ или кругъ — всюду квадратъ и кругъ.

3. Построенія въ пространствѣ изъ геометрическихъ линій неизмѣнны во времени. Квадратъ во всѣ времена квадратъ.

4. Физическія явленія не что иное, какъ постоянное измѣненіе въ пространствѣ и времени, измѣненіе непрерывное.

5. Во всѣхъ измѣненіяхъ природы однако есть нѣчто неизмѣнное — законъ.

6. Законъ—это геометрическая фігура или число, неизмѣнныя во времени и въ пространствѣ, пребывающія (или подразумеваемыя) во всѣхъ явленіяхъ природы.